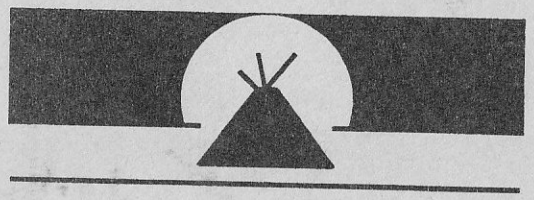
Этногеографические и этноэкологические
исследования
Вып. 7



С.А.Хрущев, К.Б.Клоков

Ненецкое оленеводство: подходы к разработке концепции устойчивого развития

Санкт-Петербург
1998

НИИ Географии Санкт-Петербургского государственного университета
Центр этноэкологических исследований ИПМНС СО РАН
Институт проблем экологии и эволюции РАН

С.А. Хрущев, К.Б. Клоков

Ненецкое оленеводство: подходы к разработке концепции устойчивого развития

Под редакцией Е.Е. Сыроечковского и А.И. Чистобаева

Этногеографические и этноэкологические исследования
Выпуск 7

Работа выполнена при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
грант N 98-02-02143

Печатается по решению
Ученого Совета НИИ Географии СПбГУ

Санкт-Петербург
1998

Введение

Домашнее оленеводство коренных северных народов представляет собой оригинальную форму адаптации человека к жизни в экстремальных условиях Севера. Эта адаптация настолько полно охватывает все стороны его жизни и настолько совершенна, что дала основание этнологам говорить о «цивилизации северного оленя». Как форма взаимодействия человека с природой северное оленеводство - важная часть мирового культурно-экологического наследия. Потерять его в период наступающего экологического кризиса было бы крайне неразумно.

Россия занимает первое место в мире по поголовью домашних оленей, а большинство коренных народов Российского Севера имеют наиболее развитые и многообразные традиции оленеводства. При этом домашнее оленеводство является важнейшим фактором их этнической консолидации и этнодемографической устойчивости. Народы Севера, связанные с оленеводством, обладают стабильным естественным приростом. Напротив, коренные этносы, у которых оленеводство развито слабо, или не имеют значительного прироста населения, или их численность сокращается.

В поселках, где доминирует русский язык и численно преобладает некоренное население, нет и практически не может быть создано условий для выживания малочисленных северных этносов, половина из которых насчитывают лишь сотни или первые тысячи человек. В то же время в семьях кочевых оленеводов родители свободно обучают детей говорить на родном языке, прививают им навыки национальной культуры и стереотипы ведения традиционного хозяйства.

Добавим к этому, что оленеводство - единственная отрасль хозяйства, в которой северные народы не встречают конкуренции со стороны представителей доминирующего общества. Только оно является надежной основой, на которой может развиваться экономическая самостоятельность, культурная автономия и политическое влияние северных народов. Не случайно в Норвегии и Швеции именно оленеводство стало основой для сплочения национального движения саамов. Без преувеличения можно сказать, что исчезновение северного оленеводства будет, по существу, означать гибель большинства малочисленных северных этносов России. Они лишатся той базы, на которой держится их этническое единство и самобытность.

К сожалению, в современной России оленеводство сделалось исчезающей формой природопользования, традиции которого почти не

возобновляются. У ряда народов (нганасаны, кеты, тофалары, юкагиры) домашнее оленеводство за последние годы было полностью утеряно. Восстановить его практически невозможно или очень трудно.

Политика советского государства в течение многих лет была направлена на искоренение кочевого образа жизни как социально и культурно отсталого и экономически невыгодного. Это подрывало основы существования оленеводческих народов, разрушало семьи (вынуждая женщин переселяться в поселки, а женам оленеводов стыдливо маскироваться под чум-работниц), препятствовало передаче трудовых навыков, языка и культуры от поколения к поколению (так как дети отрывались от родителей и жили в интернатах). Люди, живущие в тундре и тайге вместе со стадами оленей, не имели возможности получить жизненные удобства, которые имело оседлое население северных поселков. Такие условия вынуждали людей отрываться от традиционного образа жизни, забывать свой язык и национальную культуру. Конечный итог седентаризации - рост антропоэкологического напряжения, деэтнизация и социальная дезадаптация (подробнее см. [20]).

Современный кризис северного оленеводства России связан с тем, что за годы планового хозяйства эта отрасль была лишена самостоятельности и искусственно привязана к государственным дотациям. После проведения реформ дотации и плановые закупки оленьего мяса прекратились. Нарушилась, а во многих районах вообще развалилась, работа зоотехнической и ветеринарной служб, снабжение оленеводов необходимой техникой (снегоходами, лодочными моторами, радиостанциями и др.), горюче-смазочными материалами, медикаментами, а нередко и товарами первой необходимости. Попытки провести в отрасли экономические реформы, создать «семейно-родовые», «общинно-родовые» или «фермерские» оленеводческие хозяйства в сложившейся обстановке не дают результата. Оказавшись без денег, организационной и транспортной поддержки, не имея возможности ни реализовать продукцию государству (как это делалось раньше), ни самостоятельно продать ее на рынке, оленеводы фактически вынуждены вернуться к натуральному хозяйству. Во многих местах олени были забиты и съедены или проданы за бесценок жителям ближайших поселков. Их общее поголовье только с 1991 по 1998 годы сократилось с 2261 до 1520 тыс. голов (т.е. в 1,5 раза!).

Россия, а вместе с ней все мировое сообщество, быстро теряет уникальную экологическую «цивилизацию северного оленя». В то же время опыт саамов-оленеводов, живущих в Норвегии, Швеции и Финляндии показывает, что при разумной организации общества многие

проблемы оленеводческих народов - экономические, социальные, культурные - можно успешно решать. Процесс исчезновения оленеводства может быть приостановлен или, во всяком случае, сильно замедлен. Это позволит сохранить и этническое, культурное и биологическое разнообразие циркумполярных регионов нашей планеты.

Цель настоящего исследования – сформулировать подходы к разработке концепции устойчивого развития такого оригинального и уникального феномена, каким является северное домашнее оленеводство, на примере наиболее дееспособной и перспективной его части – крупностадного ненецкого (самодийского) оленеводства. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- Дать объективный обзор состояния оленеводства и связанного с ним коренного населения по основным регионам Севера России.
- На примере нескольких регионов (Европейский Север, Север Тюменской области, Красноярского края) выявить главные причины его кризисного состояния. Обосновать необходимость принятия эффективных мер со стороны федеральных правительственных органов, руководства субъектов РФ, органов местного самоуправления и общественности.
- Привлечь внимание к проблеме государственные и общественные организации, оказав тем самым поддержку представителям коренных северных народов в лоббировании их интересов.

Кризисное состояние оленеводства проявляется не везде одинаково. В некоторых регионах (Европейский Север, Ямало-Ненецкий а.о.) он сравнительно слабее, и в адаптации отрасли к условиям рыночной экономики прослеживается ряд положительных тенденций. В других регионах (Чукотка, Эвенкия, Центральный и Восточный Таймыр, Иркутская и Читинская области, Республика Бурятия, Хабаровский край, Тува) деградация идет очень быстро - поголовье оленей снизилось в 2-3 и даже более раз, а в некоторых местах домашние олени вообще исчезли. Мы выбрали в качестве модели для нашего исследования ненецкое оленеводство, поскольку именно оно сохраняет устойчивость в условиях наступившего кризиса.

1. Современный кризис оленеводства в России. Состояние оленеводства в ареале расселения ненцев

Современное оленеводство в России, на долю которого приходится 2/3 мирового доместицированного поголовья Rangifer Tarandus, находится сейчас в состоянии глубокого кризиса, сравнимого по своему масштабу с последствиями коллективизации в начале 1930-х гг. Однако за количественным совпадением (сокращение оленьего поголовья), кроются значительные качественные различия. После драматического снижения численности оленей в 1929-33 гг. были предприняты следующие меры:

- скорректированы темпы коллективизации (обобществленное стадо превысило личное лишь в 1944 г.);
- организованы Институт оленеводства (Ленинград), оленеводческие зональные и ветеринарные станции;
- развернулись работы по землеустройству и оценке продуктивности оленьих пастбищ.

В результате негативная тенденция в развитии оленеводства была преодолена.

Современное состояние оленеводства России обусловлено не только системным кризисом в стране, но и изменением государственной политики освоения Крайнего Севера. Происходит «сброс» избыточного населения Севера (отрицательная нетто-миграция за 1990-98 гг. достигла почти 1,4 млн. чел.), ликвидируются дотируемые альтернативные отрасли (клеточное звероводство), сокращается северной завоз товаров, разрушается местная инфраструктура. Кризис оленеводства – основной в «триаде» традиционных отраслей северного природопользования (здесь занято 5,8 тыс. человек из числа малочисленных народов Севера, тогда как в охоте и рыболовстве соответственно 2,3 и 1,8 тыс. [1]) – особенно негативно сказывается на положении автохтонного населения Севера России. Вместе с тем, характер и тенденции развития современного оленеводства России имеют значительные пространственные различия, происходят резкие территориальные сдвиги в его размещении. Здесь мы рассмотрим наиболее общие закономерности в эволюции (инволюции) основных параметров домашнего северного оленеводства России, чтобы в целом показать место и значение в нем крупностадного ненецкого (самодийского) типа.

1.1. Динамика численности поголовья оленей

Движение выходного поголовья – один из важнейших индикаторов состояния воспроизводства и устойчивости развития оленеводства. На протяжении XX в. в России всегда было абсолютное большинство мирового поголовья оленей, но характер динамики численности поголовья за этот период претерпевал значительные изменения (табл. 1). В целом, мы можем выделить следующие основные этапы изменения численности оленей:

1) С начала XX в. и до 1930 г. - неуклонный рост поголовья оленей за счет распространения самодийского и чукотского типов крупностадного оленеводства в тундрах Евразии;

2) 1930-45 гг. – резкое (на 35%) сокращение поголовья из-за форсированной коллективизации, его восстановление к 1941 г., некоторое снижение общей численности за счет переубоя личных оленей в годы войны;

Таблица 1. Динамика численности поголовья оленей в России за 1906-1998 гг. (тыс. гол., на 01.01.)

1906	1912	1927	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1941
1455	1674	2195	1435	1506	1578	1689	1781	1944	1931

1946	1951	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960
1822	2054	2096	2138	2141	1993	2075	1912	1897	1999

1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970
2098	2164	2213	2284	2351	2370	2373	2411	2467	2457

1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980
2464	2416	2370	2358	2250	2280	2303	2313	2249	2257

1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990
2268	2265	2241	2245	2234	2206	2243	2262	2306	2304

1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
2261	2208	2127	1966	1834	1695	1592	1510

Примечание: данные по Туве учтены с 1941 года.
Источники: составлено по [2-11].

3) 1950-ые гг. – неустойчивая динамика поголовья, вызванная эпизоотиями в Коми республике, Западной Сибири и кризисом таежного оленеводства;

4) 1960-ые гг. – устойчивый рост численности оленей (абсолютный максимум численности – 2467 тыс. голов – достигнут в 1969 г.), связанный с известным Постановлением Совмина СССР в 1957 г.;

5) 1970-80-ые гг. – стагнация и затем незначительный рост в конце 80-ых гг., связанный с ростом численности личных оленей;

6) 1990-ые гг. – резкое снижение численности общего поголовья за счет обобществленного сектора.

Таким образом, достаточно устойчивое существование отрасли за 1960-80-ые гг. сменилось драматическим падением численности поголовья оленей, вызванном совокупным действием следующих факторов:

- общий социально-экономический кризис в стране;
- институциональные изменения в сельском хозяйстве Севера, которые зачастую приводят к ликвидации оленеводческих предприятий;
- влияние форс-мажорных обстоятельств (эпизоотия на Чукотке);
- резкое уменьшение кочевого населения в 80-е гг.;
- истощение кормовой базы в результате промышленно-транспортного освоения Севера и нерационального использования пастбищных ресурсов хозяйствами всех форм собственности.

Действие большинства этих факторов продолжается. Поэтому тенденция сокращения численности оленей может в ближайшее время распространиться и на пока благополучные регионы северного домашнего оленеводства России.

1.2. Динамика распределения поголовья оленей по формам собственности

Характер динамики выходного поголовья оленей в России во многом был связан с изменениями его структуры по формам собственности. До 1929 г. (время организации первых оленеводческих совхозов) все поголовье оленей было личным. Форсированная коллективизация 1930-33 гг. привела к резкому снижению поголовья (табл. 2.), но затем темпы ее были снижены, а оленеводство стало объектом хозяйственной государственной политики на Севере, что привело к существенному росту поголовья оленей.

Таблица 2. Структура поголовья оленей в России по формам собственности за 1906-1997 гг. (тыс. гол., %).

	1906	1912	1927	1934	1941	1946	1951
Всего	1457,7	1673,7	2194,6	1434,7	1931,2	1821,5	2054,5
С/х предприятия.	-	-	-	331,2	843,2	1274,9	1664,1
Население	1457,7	1673,7	2194,6	1103,5	1088,0	546,6	390,4
Доля населения, %	100	100	100	76,9	56,3	30,0	19,0

	1956	1961	1966	1971	1976	1981	1986
Всего	1993,2	2103,7	2369,5	2463,9	2279,7	2267,6	2205,9
С/х предприятия.	1714,2	1815,6	2109,5	2139,9	1986,0	1978,4	1888,9
Население	279,0	288,1	260,0	324,0	293,9	289,2	317,0
Доля населения, %	14,0	13,7	11,0	13,1	12,9	12,8	14,4

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Всего	2260,6	2207,8	2126,6	1965,5	1833,9	1695,0	1592,5
С/х предприятия.	1831,7	1746,4	1579,3	1391,5	1250,5	1111,7	1006,0
Население	428,9	461,4	547,3	574,0	583,4	583,3	586,5
Доля населения, %	19,0	20,9	25,8	29,3	31,8	34,4	36,8

Примечание:
с 1994 г. в итог сельскохозяйственных предприятий включены фермерские хозяйства.

Источники: составлено по [2-11].

В 1944 г. обобществленное поголовье превысило личное, а доля последнего неуклонно сокращалась до 1966 года, достигнув абсолютного минимума в 11%. Однако за этой средней цифрой скрывались значительные региональные различия, отражающие локальные особенности развития отрасли, которые затем стали все более и более влиять на характер порайонной динамики численности оленей. Так, доля личных оленей в основных центрах оленеводства России – Западной Сибири и Чукотке – была, соответственно, 27,6 и 5,6%, т.е. различалась в 5 раз. В Западной Сибири тогда было локализовано 18% общего и 46% личного поголовья оленей России.

После 1966 г. личное поголовье оленей стало медленно расти как в абсолютном, так и в относительном исчислении. Этот процесс усилился крещендо после 1986 г. За 90-е гг. доля личных оленей удвоилась, но и сейчас рост этого показателя связан главным образом с Тюменской областью (Ямало-Ненецкий округ), где сосредоточено 57% личного поголовья, а его доля достигает 60%. Кроме Ямало-Ненецкого округа доля личных оленей сейчас превышает 50% в Таймырском округе и Якутии. С другой стороны, на Чукотке, где идет стремительное сокращение численности оленей, доля личного поголовья в 5 раз меньше среднероссийского показателя.

Тенденция приватизации оленей на Севере пока весьма устойчива прежде всего в районах самодийского и, отчасти, тунгусского оленеводства, что в будущем может привести к резким противоречиям между схемами землеустройства, пастбищеоборота и маршрутами касланий, созданных для совхозов и колхозов, и реальным использованием пастбищных ресурсов частными стадами. Кроме того, отметим, что крупностадное оленеводство Евразии до периода введения государственного регулирования (зооветнадзор, землеустройство, научно обоснованное определение оленеемкости, генетическая селекция) было весьма неустойчивым и слабо подтверждало тезис об «интуитивной экологичности» традиционного оленевода. Так, еще М.А. Сергеев по этому поводу отмечал: «Несмотря на вековой опыт и хорошее знание кормовых угодий, оленеводы Севера не пришли к правильному, целесообразному их использованию. Пастбища часто стравливались или вытаптывались табунами полностью и надолго выходили из строя» [12, с. 42]. И далее: «Каждый самоед мечтает быть оленеводом и копит оленей без числа, но копит их…как будто специально для очередной эпизоотии» [там же, с. 51].

Другим отрицательным последствием роста личного поголовья является неминуемое в этом случае ухудшение структуры стада: повышения доли ездовых оленей и снижение доли важенок до уровня, не дающего возможности для расширенного воспроизводства стада или товарного производства продукции оленеводства (для этого необходимо, чтобы их доля превосходила 55%). По данным на 01.01.1997 г. в сельскохозяйственных предприятиях доля важенок составила 53,3%, а ездовых оленей – 8,3%; в хозяйствах населения соответственно 44 и 24%, а в Ямало-Ненецком округе даже 40 и 31% [11]. Такое количественное, а не качественное развитие стад свидетельствует об экстенсивности традиционного оленеводства. Как отмечал М.А. Сергеев, «высшей музыкой» для оленевода был «громкий шелест, раздающийся при проходе крупного табуна животных, задевающих на ходу копыта об копыта» [12, с. 51].

1.3. Региональные различия в динамике оленеводства

Северное оленеводство как пространственный феномен («хозяйственно-экологический континуум» по определению И.И. Крупника [13, с. 86]) в условиях России имеет значительные региональные различия по характеру развития. Это связано с совокупным влиянием следующих факторов:

- дифференциацией природных условий (тундра, лесотундра, тайга);
- сложившиеся хозяйственно-культурные типы ведения оленеводства (саамский, самодийский, ижемский и т.д.);
- уровень кочевания;
- хозяйственная эволюция за последние 70 лет.

Здесь мы рассмотрим лишь количественные пространственные различия в северном оленеводстве России.

В целом, в России выделяются две основные ветви крупностадного оленеводства: самодийская и тунгусская, на основе которых возникли ижемский и чукотский типы. Особняком стоит саамский тип ведения оленеводства. Данные похозяйственной переписи 1926/27 г. и порайонного распределения оленей на начало 90-х гг. [3, 4, 14] дают возможность оценить эволюцию распределения поголовья оленей среди этих основных типов.

На начало 1927 г. доля чукотского типа (чукчи, чуванцы, коряки и юкагиры) составила 42%, самодийского (ненцы, энцы, нганасаны) – 27%, тунгусского (эвенки, эвены, долганы и якуты) – 14%, ижемского

– 12,5%, саамского – 2%, других типов - 3,5%. К 1991 г. (в конце устойчивого этапа развития оленеводства в России) доля чукотского типа упала до 29%, тунгусского, самодийского и саамского выросла соответственно до 24, 30 и 3,5%, ижемского составила 10%, других типов– 0,9%.

События 90-х гг. привели к значительному росту доли самодийского оленеводства – до 45%, ижемского и саамского типов – соответственно до 17 и 5%; резкому падению чукотского и тунгусского типов – до 15%; таежные формы оленеводства практически исчезли.

Таким образом, за последние 80 лет проявились следующие тенденции развития оленеводства по типам:

1) Кризис таежного оленеводства. В целом, если в 70-ые гг. в таежной зоне содержалось 300 тыс. оленей, то сейчас не более 150 тыс. Это резко контрастирует с возможной оленеемкостью таежных пастбищ, оцениваемой в 1 млн. голов.

2) С начала 80-х гг. происходит неуклонное повышение доли самодийского (прежде всего ненецкого) оленеводства и сокращение чукотского типа, что во многом связано с ростом личного поголовья в ненецких кочевых хозяйствах.

3) Стагнация ижемского оленеводства в 1930-80 гг. была связана с проведением особо жесткой коллективизации среди хозяйств коми (наиболее крупные из них были превращены в совхозы).

4) Кризис местной инфраструктуры в районах Севера России может стимулировать локальное возрождение транспортного оленеводства в таежной и лесотундровой зонах.

В целом, изменение регионального распределения поголовья домашних северных оленей в России за последние 70 лет приведены в табл. 3.

По данным этой таблицы четко прослеживается относительное увеличение доли поголовья оленей в северных регионах, расположенных западнее Енисея, закат таежного оленеводства (Карелия, Томская, Читинская и Иркутская области, Сахалин, Тува, Эвенкия и Бурятия), снижение численности оленей на Таймыре и других регионах к востоку от Енисея. Стремительное падение численности оленей на Чукотке в 90-х гг. (в 2,6 раза!) привело к тому, что в 1991 г. на первое место по числу оленей вышел Ямало-Ненецкий округ, а в 1994 г. Якутия оттеснила Чукотку на 3 место. На долю округов, где в титульном названии используется этноним «ненецкий», сейчас приходится более 47% поголовья оленей России, тогда как 30 лет назад – только 27%.

Таблица 3. Численность и размещение домашних северных оленей в России за 1927-1997 гг., (тыс. гол., на 01.01.).

	1927	1941	1951	1961	1971	1981	1991	1997
Архангельская обл.	627,9	184,8	189,7	169,9	193,2	188,5	190,7	182,9
Республика Коми		144,0	211,0	136,7	147,1	113,2	123,6	124,0
Мурманская обл.	48,1	70,3	53,9	74,2	81,9	66,0	77,3	77,0
Респуб. Карелия	...	...	0,4	3,3	0,1	...	-	-
Тюменская обл.	336,8	428,5	366,8	400,5	480,9	418,0	537,6	554,0
Томская обл.	...	3,5	0,8	0,6	0,1	0,0	0,0	0,0
Красноярский край	182,7	134,1	137,0	136,8	164,8	121,0	107,4	57,8
Иркутская обл.		14,0	5,5	7,0	5,4	3,9	3,9	2,0
Читинская обл.		11,5	10,3	11,6	18,3	14,8	9,2	2,0
Респ. Бурятия		2,7	2,3	3,9	5,0	1,8	2,1	0,9
Республика Тува	10,4	20,0	3,1	5,8	11,6	14,5	8,1	3,1
Республика Саха	239,3	200,0	312,9	341,6	356,3	380,0	361,5	215,9
Хабаровский край	756,2	42,1	38,0	42,3	50,3	46,2	42,7	20,0
Камчатская обл.		144,5	194,2	158,8	178,9	174,9	167,1	98,3
Магаданская обл.		529,2	512,1	579,3	738,5	705,3	612,5	241,1
Амурская обл.			6,3	12,5	17,3	15,7	12,9	10,3
Сахалинская обл.	1,3		10,2	13,1	14,2	4,0	4,0	3,1
ВСЕГО	2202,7	1931,2	2054,5	2097,9	2463,9	2267,6	2260,6	1592,5

Примечание: Тувинская республика до 1944 г. была самостоятельным государством.

Источники: составлено по [2-11].

Анализ данных на уровне административных районов еще более наглядно показывает сужение ареала домашнего оленеводства в России: из 107 районов, где имелись олени в 1960 г., сейчас осталось 80. Из 27 районов, где исчезло оленеводство, практически все расположены в таежной зоне. С другой стороны, четко прослеживается процесс пространственной концентрации оленеводства в регионах-лидерах: сейчас на 4 района с максимальным поголовьем приходится 25% оленей России (Ямальский, Тазовский, Приуральский – все в Ямало-Ненецком округе и Ловозерский – Мурманская область). Более 50 тыс. голов насчитывается, кроме того, в Большеземельском, Канино-Тиманском и Нарьян-Марском районах Ненецкого округа (даны в границах 1960 г., т.к. сейчас районное деление в округе отсутствует), в Анадырском районе Чукотки.

1.4. Номадизм и оленеводство

Связь кочевания и оленеводства достаточна очевидна. Это можно проиллюстрировать данными единовременного выборочного обследования хозяйств малочисленных народов Севера, проведенного Госкомстатом в 1991 году. В округах с развитым оленеводством – Ямало-Ненецком и Ненецком – соответственно 81,8% и 73,3% респондентов указали на необходимость сохранения бытового или производственного кочевания [15]. Вместе с тем, вплоть до 1990 г. проводилась достаточно последовательная (с большим или меньшим успехом в различных регионах) политика по седентаризации кочевого населения, направленная на ликвидацию не только бытового, но и производственного номадизма. С 1968 по 1990 г. на оседлый образ жизни было переведено 23,2 тыс. чел., ликвидировано кочевание в Томской, Иркутской, Читинской и Камчатской областях. Седентаризация весьма негативно отразилась на оленеводстве: выросли транспортные издержки и себестоимость оленины, возник дефицит пастухов, нарушилась преемственность между поколениями оленеводов.

Используя данные по уровню кочевания, темпам седентаризации, изменению численности оленьего поголовья за 1980-97 гг., мы можем статистически подтвердить тесную связь между оленеводством и номадизмом. Так, коэффициент ранговой корреляции между числом кочевых хозяйств и численностью оленей составил 0,74 (анализировались лишь те регионы, где есть кочевое население). Между удельным весом хозяйств, переведенных на оседлость за 1981-89 гг., и индексом

роста (сокращения) поголовья оленей за 1990-97 гг. коэффициент ранговой корреляции равен 0,96, - т.е. имеем практически прямую зависимость. И, наконец, между индексом изменения числа кочевых хозяйств с 1981 по 1990 г. и индексом изменения численности оленей за 1990-97 гг. коэффициент составил 0,91. Как видим, имеется тесная связь между развитием оленеводства и состоянием кочевого образа жизни. Не случайно, что в Ямало-Ненецком округе, где проживает 76% кочевого населения Севера России и содержится 54% личного поголовья оленей, за 1990-97 гг. общая численность оленей выросла на 5%, тогда как в целом по России сократилась на 31%.

2. Современные социально-экономические и экологические проблемы ненецкого оленеводства

2.1.Экономические проблемы крупностадного оленеводства (на примере Ненецкого автономного округа)

Оленеводческое хозяйство народов Севера, по характеру своих связей с окружающей природной и социально-экономической средой, близко к замкнутой самообеспечивающейся системе, т.е. к натуральному типу хозяйства. Хотя крупностадное оленеводство развивалось уже в условиях пространственного разделения труда и предполагает товарное производство мяса и его обмен на другие необходимые оленеводам товары, интенсификация товарно-денежных отношений нарушает его традиционные основы. Чем в большей степени вовлекаются оленеводы в экономическую жизнь доминирующего общества - тем сильнее ощущается противоречие между необходимостью интенсификации хозяйства и невозможностью это сделать, сохраняя его традиционный уклад. С переходом к рыночным отношениям сформулированная выше проблема стала актуальной и в России, в первую очередь – на Европейском Севере, где развитие реформ протекает быстрее.

Анализ статистических данных по оленеводству Ненецкого округа показывает в целом устойчивую картину. Основной показатель - общее поголовье оленей за шесть лет периода интенсивных реформ (1992-1997 гг.) - значительно не изменился. Сокращение численности

оленей за этот период составило всего 2,7% (с 183,9 до 178,9 тыс.), что не выходит за рамки вариаций, вызванных естественными причинами. Поголовье оленей в бывших колхозах и совхозах в результате приватизации сократилось, но не так сильно, как во многих других регионах. На 1.01.1997 г. бывшие колхозы и совхозы Ненецкого округа имели 76,6% всего поголовья оленей, в личной собственности оленеводов – 20,1% и только 2,3% принадлежало образованным крестьянским (фермерским) хозяйствам. В целом, по России бывшие колхозы и совхозы сохраняют за собой 59,5%, в Республике Саха – 47,9%, в Ямало-Ненецком округе - только 38,2% поголовья. Таким образом, реформы сказались на экономике оленеводства Ненецкого округа меньше, чем в других регионах России. Соответственно, мало изменились границы землепользований хозяйств и маршруты кочевий оленьих стад. Расчетная оленеемкость пастбищ Ненецкого округа (178,8 тыс. гол.) в основном заполнена и резервов для роста поголовья оленей нет. Общие параметры оленеводства Ненецкого округа приведены в табл. 4.

Таблица 4. Основные показатели оленеводства в сельскохозяйственных предприятиях Ненецкого автономного округа.

Показатели	1986-1990 (в сред.)	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Поголовье оленей, тыс. гол. (на 31.01)	164840	159497	159279	149621	156516	145956	145761
Доля маток в структуре стада, %	62,1	62,5	62,3	59,8	56,9	56,3	55,3
Общий выход мяса, т	4478	3773	3908	3511	3590	2326	2579
Выход мяса на 100 январских оленей, ц	26,7	22,6	24,3	21,8	20,8	15,1	7,7
Сохранность взрослого поголовья, %	94,5	92,0	92,6	91,2	89,9	88,1	89,1
Деловой выход телят, %	79,3	74,0	77,6	70,1	73,8	71,8	71,2

Источник: составлено по данным Ненецкого управления окрстатистики.

Изменения правого статуса оленеводческих предприятий в результате реформ носят пока в основном формальный характер: совхозы были преобразованы в коллективно-долевые предприятия – КДП, а колхозы - в коллективно долевые хозяйства – КДХ (табл. 5). Различия между двумя формами незначительны: КДП руководит директор, имеющий несколько больше прав, чем председатель, который руководит КДХ.

Новыми формами организации оленеводства стали крестьянские или фермерские хозяйства оленеводов, представляющие собой формально независимые частные предприятия. Однако их немного, и они не определяют общих тенденций эволюции отрасли. В округе образование таких хозяйств произошло в результате раскола колхоза «Харп». При этом семьи оленеводов, живущие вдали от центральной усадьбы (в небольших деревнях Черная и Старый Варандей у морского побережья), выделились в самостоятельные хозяйства, которые объединились в Союз оленеводческих хозяйств «Ерв».

Союз работает по принципу кооператива и занимается вопросами сбыта и снабжения, не вмешиваясь в производственную деятельность семейных хозяйств. Забой оленей каждая семья проводит самостоятельно, а затем сдает мясо в Союз по весу. Союз осуществляет транспортировку и реализацию продукции, а затем выплачивает оленеводам выручку за вычетом комиссионных.

По отношению к администрации округа оленеводческие хозяйства всех форм собственности по-прежнему остаются бесправными. Деньги, которые они должны были бы получать из государственного бюджета как экономическую поддержку, отчисления за использование полезных ископаемых, которые добываются на их землях, проходят через бюджет округа, где нередко «исчезают». Несмотря на значительный объем выделяемой государством финансовой помощи, хозяйства не уверены в том, что они ее действительно получат в запланированных объемах и в намеченные сроки. Обязательства часто не выполняются, или выполняются не полностью; эффективный правовой механизм для контроля за их соблюдением отсутствует. Поэтому государственная поддержка вместо того, чтобы давать оленеводческим предприятиям уверенность в будущем, часто, наоборот, дезориентирует их руководителей, порождая ложные ожидания. На руководителей, которые старались вести себя независимо и самостоятельно, оказывалось косвенное давление. Этому способствует и кредитная задолженность всех оленеводческих предприятий по кредитам Федерального и Регионального фондов. Практически свободен от долгов только Союз оленеводческих хозяйств «Ерв».

Таблица 5. Оленеводческие хозяйства Ненецкого автономного округа.

Название и тип хозяйства	Центр хозяйства	Площадь, тыс. га	Олененасыщенность, тыс. гол.	Поголовье общественных оленей На конец года		Число стад	Поголовье личных оленей, гол.	
				1991 г.	1995 г.		1991 г.	1995 г.
КДХ Нарьяна-Ты	п. Хонгурей	633	10,2	8333	7382	4	1039	1226
КДХ им Выучейского	п. Нельмин Нос	944	12,2	12255	12217	7	2265	2117
КДХ Харп	п. Красное	2076	23,6	20872	11570	8	3288	5142
Союз оленеводов "Ерв"	п. Красное				*)	5		6774
КДХ Восход	п. Ома	873	10,3	8730	7486	5	1770	1404
КДХ Рассвет Севера	п. Харута	1507	18,7	16782	15984	9	1810	2393
КДХ Путь Ильича	п. Хорей-Вер	1450	21,0	18386	16630	11	2918	5665
КДХ Дружба Народов	п. Каратайка	1580	14,0	12246	11532	7	1840	1914
КДХ Красный Октябрь	п. Усть-Кара	1225	9,0	12280	7500	4	2366	1871
КДП Индигский	п. Индига	1419	16,0	14015	14753	8	1176	1423
КДП Колгуевский	п. Бугрино	513	7,0	5434	5364	2	1300	1416
КДХ Заполярье	п. Нижняя Пеша	710	5,8	4118	2992	2	771	579
ОПХ Нарьян-Марской СХОС	г. Нарьян-Мар	833	12,0	9100	7752	4	958	1098
Община Канин	с. Несь	2327	22,5	16728	17836	11	4278	8348

*) Олени находятся в частной собственности.

Источник: см. табл. 4.

Важным моментом является право коренного населения иметь в своей собственности личных оленей без оформления юридического лица, т. е. без регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства или частного предприятия. Если раньше действовали единые для всего региона нормы, строго ограничивавшие количество оленей, которое можно иметь в личной собственности (20 или 50 голов), то теперь этот вопрос решается в разных хозяйствах по-разному. Например, в КДХ «Харп» по уставу хозяйства каждый оленевод (включая чумработниц и пенсионеров) имеет право держать до 240 голов личных оленей, а в КДХ «Рассвет Севера» - только 75 голов. Коренные жители, не работающие в оленеводстве, как правило, лишены права иметь оленей. Некоторые руководители предприятий стимулируют рост личного поголовья, другие, наоборот, ограничивают его. Целесообразность той или иной политики с точки зрения интересов развития отрасли не может быть оценена однозначно, так как многое зависит от местных условий.

Наиболее острой проблемой оленеводства округа стали забой оленей и реализация полученной продукции. Рациональное (своевременное) проведение забоя, использование современных технологий переработки и хранения мяса и другой продукции и реализация их по высоким ценам могли бы значительно поднять экономическую эффективность оленеводства округа без увеличения поголовья оленей и нагрузок на пастбища. Централизованная система, когда государственные мясокомбинаты покупали у хозяйств оленей живым весом и затем брали на себя все заботы по забою, транспортировке и реализации продукции, ушла в прошлое.

В Ненецком автономном округе часть оленеводческих предприятий еще продолжает пользоваться услугами Нарьян-Марского мясокомбината (АО «Мясопродукты»). Например, ОПХ Нарьян-Марской СХОС, стада которой выпасаются близко от Нарьян-Мара. Мясокомбинат берет с ОПХ за услуги по забою 40% мяса, а 60% возвращает в виде мяса, фарша и другой продукции, которую ОПХ реализует через свои магазины в Нарьян-Маре. Ряд хозяйств пользуется услугами принадлежащих мясокомбинату забойных пунктов, однако расценки на такие услуги очень высоки. Так, КДХ «Восход» в 1997 г. за каждого оленя, забитого на забойном пункте Мясокомбината в пос. Пеша, заплатило по 40000 руб. Ряд хозяйств выкупили у мясокомбината принадлежавшие ему забойные пункты.

Наибольшие сложности связаны теперь с транспортировкой оленины к местам сбыта. В прошлом почти вся оленина доставлялась вертолетами в Нарьян-Мар. Теперь государство через Управление сель-

ского хозяйства округа выделяет дотации, которые должны покрывать 80% расходов оленеводческих хозяйств на вывоз оленьего мяса авиацией. Однако этих денег не хватает на все хозяйства, и поступают они с опозданием. Большая часть руководителей самостоятельно ищет новые каналы сбыта, чтобы не находиться в зависимости от окружного центра. При этом они стараются использовать более дешевые виды транспорта.

В результате в округе начала складываться совершенно новая картина вывоза и реализации оленьего мяса. Если раньше все мясо свозили в центр округа, то теперь сюда привозят оленину только предприятия, расположенные в его центральной части. Периферийные хозяйства устанавливают новые коммерческие связи за границами округа:

- в восточной части («Дружба народов» и «Красный Октябрь») - с г. Воркута;
- по южной границе округа в Большеземельской тундре («Рассвет Севера» и «Путь Ильича») - с северными районами Коми Республики, городами Инта, Печора, Усинск, используя при этом дороги, проложенные для добычи нефти и газа;
- на о. Колгуев (КДП «Колгуевский») вывозит мясо морским путем в г. Мурманск (посредством работающих на острове геологических экспедиций);
- на западе округа (Канинская тундра) - устанавливают связи с поселком Мезень, который, в свою очередь, связан автомобильной дорогой с Архангельском.

Установление новых коммерческих связей тормозится следующими факторами:

1. Отсутствие у большинства предприятий достаточных холодильных емкостей. По этой причине они, во-первых, лишены свободы маневра и попадают в зависимость от потребителя и погодных условий. Во-вторых, предприятия не могут проводить забой в ранние сроки, до наступления морозов. Это уменьшает выход мяса и не позволяет использовать для вывоза продукции дешевый водный транспорт. В-третьих, неожиданные оттепели, которые случаются даже в ноябре, нередко приводят к снижению качества мяса и уменьшению дохода.

2. Отсутствие у многих хозяйств собственных забойных пунктов, расположение которых было бы ориентировано на новые рынки сбыта.

Старая схема размещения забойных пунктов была ориентирована на вывоз мяса в г. Нарьян-Мар и на широкое использование вертолетов. Проблема рационального размещения забойных пунктов для выхода на новые рынки сбыта и вывоза продукции дешевыми видами

транспорта не простая. Многие руководители хозяйств в настоящее время еще не могут найти ее оптимального решения. Кроме того, отсутствие холодильников не позволяют им перейти к раннему забою и искать новые связи по сбыту продукции, ориентируясь на водный транспорт.

Ранний (в сентябре месяце) забой открывает, в частности, следующие пути для вывоза мяса по воде:

- для предприятий, расположенных на морском побережье, возможен вывоз мяса морским путем (как это делает КДП "Колгуевский") - что требует проведения забоя у побережья в местах, удобных для подхода судов;
- для предприятий, расположенных в центральной части округа на берегах р. Печоры, кроме сбыта мяса в г. Нарьян-Мар, возможен вывоз его водным путем на юг, в Республику Коми, а с перегрузкой на железную дорогу - и в центральные районы страны;
- для хозяйств Большеземельской тундры, землепользования которых выходят за границы Ненецкого округа, возможно проведение забоя на р. Усе с вывозом водным путем в города северной части Коми Республики или с перегрузкой на железную дорогу.

В связи с этим, целесообразно рассмотреть вопрос о применении для вывоза оленины специально оборудованных рефрижераторных судов, на которых может проводиться и обработка продукции.

Однако оценить реалистичность и эффективность этих предложений в настоящее время трудно, так как хозяйства не имеют еще опыта проведения раннего забоя. Ясно только, что переход к раннему забою при хорошей обеспеченности холодильными емкостями значительно уменьшит роль города Нарьян-Мара как монопольного потребителя оленины, производимой в Ненецком округе.

Сейчас некоторые хозяйства приобретают мини-заводы для переработки оленины в колбасные и иные виды изделий. Но их продукция может быть пока реализована только на местных рынках, по относительно низким ценам.

При выборе перспективных рынков сбыта нужно учитывать, что в сложившейся ситуации, когда оплата продукции производится в основном по бартеру, величина цен реализации не является решающим фактором при выборе мест продажи. Значение имеет только соотношение цен на оленину и необходимые хозяйству товары. При этом может быть выгоднее продать мясо на юге, где цены ниже, но зато дешевле и те товары, на которые идет расчет по бартеру.

Несмотря на дорогие тарифы, использование вертолетов также может быть выгодным при определенных условиях. Оленеводческие предприятия договариваются с заинтересованными организациями о вывозе мяса попутными рейсами, что может быть эффективно, особенно при вынужденном забое на нагульных участках (пример - КДХ «Рассвет Севера»).

Следующим этапом повышения эффективности оленеводства может быть переход к более комплексному использованию продукции. В настоящее время наиболее значительный доход хозяйствам приносят панты. Обсуждаются даже предложения полностью переориентировать некоторые стада с мясного на пантовое направление, что однако связано с коммерческим риском, так как цены на мясо более устойчивы, чем на панты. Цены на панты, закупаемые Нарьян-Марскими частными предприятиями у оленеводческих хозяйств, варьируют от 10 до 40 долларов (в среднем 20-25) за 1 кг сырого веса, в зависимости от качества и расходов на транспортировку вертолетом. Так, в 1995 г. КДХ «Дружба народов» реализовала около 800 кг сырых пантов, КДП «Колгуевский» - более 400, КДХ «Рассвет Севера» и Союз Оленеводов «Ерв» - по 200 кг сухих и т.д.

Оленьи шкуры в настоящее время в значительном количестве пропадают, не находя сбыта. Частично предприятия продают их замшевому заводу в Усть-Цильме. Расчет производится следующим образом: завод берет за переработку 50% сырья, а 50% в виде хрома, велюра и другой продукции возвращает хозяйствам для самостоятельной реализации. Возможности наладить полное использование продукции, включая субпродукты, кровь, железы внутренней секреции обсуждаются.

Таким образом, можно наметить три этапа развития и, соответственно, три стратегических направления поддержки оленеводства Ненецкого округа в условиях рынка:

- Обеспечение оленеводческих хозяйств холодильниками и забойными пунктами, дающее им возможность самостоятельно реализовать продукцию на местных (региональных) рынках, а при определенных условиях (в первую очередь - в Мурманской области) - и на экспорт. На этом этапе оленеводческие хозяйства еще не могут обходится без финансовой поддержки государства.
- Повышение статуса продукции оленеводства путем маркетинга и рекламы. Это позволит освоить внутренний рынок России (включая Москву и другие города в центральных районах), перейти к производству дорогих видов продукции (пищевые деликатесы, медицинские препараты, художественные и сувенирные изделия) и, за счет этого, сделать отрасль экономически эффективной.
- За счет полученного экономического эффекта станет возможным коренное улучшение условий труда и быта оленеводов, повышение уровня их жизни.

2.2. Проблемы развития оленеводства в условиях интенсивного промышленного освоения (Ямало-Ненецкий автономный округ)

Оленеводству Ямало-Ненецкого округа посвящено немало специальных монографий и диссертационных исследований (см., например, [17-19]). Однако в них специфические проблемы развития этой традиционной отрасли в условиях интенсивного промышленного прессинга либо специально не рассматриваются, либо нерепрезентативны, либо устарели. В месте с тем, мы уже отмечали в 1-й главе, что в 1990-е гг. центр северного домашнего оленеводства России переместился в Ямало-Ненецкий округ, а численность личных оленей здесь уже составляет абсолютное большинство – 55% от общероссийского показателя. В округе сохранилась самая мощная кочевая популяция малочисленных народов Севера (13,1 тыс. чел. – 77% всего кочевого населения страны), что является крепким социальным базисом современного ренессанса самодийского, точнее – ненецкого оленеводства. Поэтому феномен устойчивого роста оленеводства в округе на фоне обвального сокращения поголовья северных домашних оленей в России и обострения проблемы обеспеченности кормовыми ресурсами требует специальной интерпретации и анализа.

1) ***Долговременные тренды в динамике поголовья оленей в Ямало-Ненецком округе.*** Анализ сводной таблицы 6 наглядно демонстрирует масштабность роста оленеводства в округе в 1980-90-е гг., когда численность оленей выросла в 1,5 раза. В целом, можно выделить следующие основные этапы в динамике ямальского оленеводства:

- период устойчивого роста в 1922-32 гг., когда численность оленей выросла с 220 до 365 тыс. после резкого падения в годы Гражданской войны;

Таблица 6. Динамика численности поголовья оленей в Ямало-Ненецком округе за 1927-1998 гг. (на 01.01., тыс. гол.).

1927	1931	1932	1934	1935	1936	1937	1938	1941	1942	1943
262,5	346,3	365,5	226,1	285,6	303,9	279,5	352,6	362,2	358,0	354,9

1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954
277,4	234,9	241,9	226,0	230,2	243,9	255,4	287.0	308,3	330,7	344,9

1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
357,7	359,4	371,1	352,2	333,4	322,4	335,8	346,4	348,4	355,4	366,6

1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976
361,4	366,4	381,9	405,4	415,5	414,2	402,8	409,9	410,1	393.0	384,6

1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987
387,3	378,5	356,8	348,3	363,2	371,6	396,8	397,1	405,1	418,6	431,1

1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
441,4	472,6	495,9	490,5	506,3	477,1	481,6	489,8	507.8	517,6	520,0

Источники: [4, 10,11, 16]

- стремительное сокращение поголовья в результате перебоя оленей из-за перегибов в коллективизации; последствия такой «реконструкции» традиционных оленеводческих хозяйств удалось преодолеть лишь к концу 1930-х годов;
- военная и пост военная депрессия (до 1948 г.) была вызвана исключительно резким сокращением личного поголовья (с 259 до 91 тыс. голов!), тогда как общественное стадо неуклонно росло;
- динамичный рост с конца 1940-х гг. сменился ощутимым спадом в конце 1950-х гг., что было вызвано эпизоотией ящура в Приуральском районе и на юге Ямала;
- период устойчивого роста в 1960-х гг. связан с успехами в развитии обобществленного оленеводства - в это время доля личных оленей была минимальной за всю историю округа;
- депрессия 1970-х гг. уже напрямую связана с негативным техногенным воздействием нефтегазового комплекса, однако она была четко локализована в общественном секторе оленеводства (сокращение на 16%) при стабильном уровне личного поголовья;
- 1980 год – по настоящее время: стремительный взлет численности оленей исключительно за счет личных хозяйств населения.

В результате реформ 1990-х гг. стагнация в общественном секторе оленеводства сменилась глубоким кризисом – численность оленей в госхозах, рыбзаводах, ПСХК, ТОО и АОЗТ округа упала до уровня 1952 г.

Таким образом, новейшие тенденции в развитии ямальского оленеводства при всей своей видимой «положительности» в реальности находятся в остром противоречии с ростом дефицита кормовых ресурсов отрасли из-за перевыпаса, нерациональных пастбищеоборотов и техногенного воздействия нефтегазовой промышленности.

2) *Долгосрочные тенденции изменения структуры оленеводства Ямало-ненецкого округа по категориям хозяйств.* Представленный выше анализ динамики численности оленей в округе показывает, что на ее эволюцию оказывает значительное влияние изменение пропорций в организационно-хозяйственной структуре отрасли. Основные тренды в соотношении общественного сектора и личных хозяйств населения в оленеводстве округа представлены в таблице 7.

Таблица 7. Распределение поголовья оленей по секторам хозяйства в Ямало-Ненецком округе за 1931-1997 гг., тыс. голов

(I – общественный сектор; II – личные хозяйства населения; III – доля населения. %)

	1931	1941	1951	1961	1971	1981	1991	1997
Всего	346,3	362,2	287,0	335,8	414,2	363,2	490,5	517,6
I	44,1	99,1	171,1	231,8	266,9	231,9	245,5	197,9
II	302,2	263,1	115,9	104,0	147,3	131,3	245,0	319,7
III	87,3	72,6	40,4	31,0	35.6	36,2	49,9	61,8

Источники: [4, 10,11, 16], материалы окружного архива (г. Салехард).

В целом, можно отметить, что оленеводство округа всегда было своеобразным «резерватом» личного поголовья домашних северных оленей в России: абсолютная численность оленей в хозяйствах населения здесь не опускалась ниже 90,8 тыс. (1947 г.), а относительная доля – ниже 28,5% (1964 г.). В соседнем Ненецком округе в то время доля личного стада была всего 11%, а сейчас не превышает 20%. Анализ таблицы 7 демонстрирует отрицательную корреляционную связь межу ростом численности оленей в общественном и личном секторах. Например, на фоне депрессии личного оленеводства в 1960-х гг., эта отрасль динамично развивалась в совхозах и рыбзаводах (достигнутый уровень 1971 года – максимальный в истории округа, это относится и к производству оленины в конце 60-х гг.). В 1960-х гг. настойчиво аргументировалось необходимость ограничения якобы «избыточного и социально не нужного» оленеводства в хозяйствах населения: «Нельзя признать нормальным наличие в округе большого количества оленей, принадлежащих рабочим, служащим, единоличникам…В округе есть еще немало граждан, которые имеют в личной собственности 250 и более оленей; они нигде не работают, получают от личного стада большие доходы и ведут паразитический образ жизни, а их олени вытравливают пастбища государственных хозяйств» [17, с. 20-21]. Однако, амбициозным планам тотального огосударствления отрасли не суждено было сбыться – уже в 1968 г. численность оленей у населения увеличилось за год на 20% за счет перераспределения стад в рыболовецких заводах, после чего динамика личного оленеводства в округе была в целом положительной. С 1980 по 1997 г. личное поголовье в округе выросло в 2,6 раза и достигло огромной величины – 320 тыс. голов. Однако, этот рост практически полностью оказался локализован в трех районах округа: Ямальском,

Тазовском и Приуральском, где сейчас сосредоточено 86% личного поголовья округа.

3) ***Региональные различия в развитии оленеводства Ямало-Ненецкого округа.*** Территория округа характеризуется значительной неоднородностью в ландшафтном, этническом, хозяйственном и социально-культурном отношении. Совокупное действие этих факторов обусловливают наличие пространственных диспропорций в динамике и характере развития оленеводства (табл. 8).

Таблица 8. Динамика регионального распределения поголовья оленей в Ямало-Ненецком округе за 1941-1997 гг. (на 01.01., тыс. голов)

Районы	1941	1951	1961	1971	1981	1991	1997
Красноселькупский	…	4,3	17,8	10,7	8,4	8,4	1.7
Надымский	35,5	30,4	31,3	35,9	27,4	37,0	40,1
Приуральский	86,0	48,7	56,3	53,6	42,9	55,4	58,5
Пуровский	21,9	27,5	29,0	37,7	29,8	33.9	31.6
Тазовский	41,5	51,3	70,5	101,3	76,3	130,9	141.0
Шурышкарский	33,1	45,2	26.5	31,1	29,6	32,1	29,1
Ямальский	142,9	76,9	103,1	128,7	135,7	175,3	197,1
г. Салехард	1,3	2,6	2,7	13,4	12,6	17.6	18,7
ИТОГО	362,2	287,0	335,8	414,2	363,2	490,5	517,6

Источники: [16], материалы окружного архива (г. Салехард).

Отметим наиболее существенные факторы пространственной дифференциации округа:

- Территория округа расположена в пределах двух ландшафтных зон – тундры и лесотундры. При этом 73% оленьих пастбищ – тундровые, на них сосредоточено 95% всего оленьего поголовья. В целом оленеводство в лесотундре округа демонстрирует отрицательную динамику и сейчас имеет вспомогательное значение (Красноселькупский и Шурышкарский районы, южная часть Надымского района – Халесовинский ПОХ).
- С ландшафтными различиями тесно связаны расселение автохтонных малочисленных народов Севера, а также распределение соответствующих типов оленеводства. Зона тундры – ареал проживания ненцев, здесь локализовано классическое крупностадное оленеводство самодийского типа и подавляющая (77%) часть кочевников округа. В лесотундре, где обитают селькупы, ханты и юраки (лесные ненцы) оленеводство находится либо в состоянии стагнации (Шурышкарский район), либо уже практически исчезло (Красноселькупский район).

- Промышленное освоение практически полностью затронуло лишь территории Пуровского и Надымского районов, где был создан самый мощный в мире газодобывающий комплекс. Поэтому оленеводство в этих районах уже 20 лет развивается в условиях сильного техногенного воздействия - буровые, линейные объекты инфраструктуры, компрессорные станции, города, выбросы загрязняющих веществ - крайне негативно влияют на все структурные компоненты оленеводческих этноценозов (пастбище↔олень↔человек). В Ямальском и Тазовском районах, где промышленное освоение либо только разворачивается (п-ов Ямал), либо перспективно (п-ов Гыдан), прирост численности оленей за последние 10 лет составил 84 тыс. голов. В результате общее поголовье оленей достигло там невиданных прежде величин, резко усилилась нагрузка на пастбищные ресурсы, и поэтому перетравливание кормовой базы (а не промышленное проникновение) здесь станет основным ограничителем пока еще бесконтрольного роста оленеводства.

Данные таблицы 8 показывают, что результатом реформ стал практически неконтролируемый рост личного поголовья за счет перераспределения (своеобразной «приватизации») совхозных стад, который вступил в противоречие как с реальным состоянием окружающей среды в зонах промышленного освоения (Надымский и Пуровский районы), так и с наличной оленеемкостью пастбищ (Ямальский и Тазовский районы).

4) ***Оценка состояния кормовой базы оленеводства в Ямало-Ненецком округе.*** Последние целинные массивы тундровых пастбищ были освоены в округе еще в начале 1980-х гг. (Мессовская тундра на Гыдане), поэтому ресурсный фактор в настоящее время выступает как ведущий экологический ограничитель развития отрасли. В условиях округа сокращение пастбищного фонда связано в основном с двумя факторами: промышленно-транспортным освоением и диспропорцией между фактическим и возможным поголовьем оленей в тундровой зоне.

Последствия промышленно-транспортного освоения кратко можно свести к следующим основным видам:

- Прямые отводы земель оленьих пастбищ под геологоразведочные работы, освоение и обустройство месторождений, линейную инфраструктуру и городскую селитьбу. За последние 35 лет только официальный отвод земель под промышленные нужды в округе составил 700 тыс. га, более половины из них приходится на оленьи пастбища. Однако официальный отвод не отражает реального отчуждения земель в результате «самоотводов» при промышленном освоении;

- Прямой и косвенный ущерб от существующих технологий производственных процессов из-за их несоответствия требованиям экологической безопасности в условиях Крайнего Севера (наличие криолитозоны, неустойчивость и малопродуктивность геобиоценозов и т.д.).
- Несоблюдение технологических режимов, безответственное отношение к природе. «Человеческий» фактор становится все более весомым в экоциде природы Севера - только в Пуровском и Надымском районе уничтожено пожарами и механически 6 млн. га оленьих пастбищ при официальном отводе 300 тыс. га.
- Недоучет в проектах пастбищеустройства фактора промышленного освоения, что приводит к завышению проектной оленеемкости, планированию невозможных маршрутов касланий и границ бригад. Например, проекты по внутрихозяйственному обустройству оленьих пастбищ, выполненные Ангарской экспедиции (г. Братск) по совхозам «Пуровский», «Верхнепуровский» и «Надымский» подвергались неоднократной корректировке из-за их явных несоответствий реальному состоянию кормовой базы. По данным последней (1991 г.) инвентаризации оленьих пастбищ было списано 941 тыс. га, из которых лишь 257 тыс. га были уничтожены в результате промышленного освоения. Однако, в целом по хозяйствам округа площадь оленьих пастбищ даже увеличилась из-за перевода в этот вид угодий малопродуктивных и не представляющих ценности для производственно-хозяйственной деятельности участков гарей от пожаров 1977-78 гг. в Пуровском и Надымском районах. В результате такой инвентаризации оленеемкость пастбищ Пуровского района по проекту 1993 г. выросла на 7 тыс. голов по сравнению с проектом 1983 г., что не соответствует действительности.

Несоответствие между оленеемкостью пастбищ и фактическим поголовьем оленей. Перетравливание пастбищ из-за избыточного оленьего поголовья актуальна для тундровой зоны округа, где промышленное освоение либо минимально, либо отсутствует. В этой проблеме можно выделить следующие аспекты:

- Исчерпание резервов пастбищ на фоне стремительного роста численности оленей. За последние 30 лет резко выросла нагрузка на кормовые угодия в основных оленеводческих районах округа. Если в Ямальском районе в 1965 г. на одного оленя приходилось 112 га, то в 1997 г. – 54 га, т.е. в 2 раза меньше. При этом нормативно достаточным (при средней оленеемкости) для тундровой зоны считается участок площадью 115 га. Главный фактор резкого увеличения нагрузки на па-

стбища – бесконтрольный рост личного поголовья оленей, который до настоящего времени ни коим образом не отражался в землеустроительных проектах государственных оленеводческих хозяйств. Диспропорция между ресурсной базой и наличным поголовьем, локализованным у населения, ведет к усилению к росту неустойчивости в развитии отрасли. Например, «длинная весна» (гололедица в мае) 1992 г. привела к существенному падежу прежде всего личных оленей (16 тыс. гол.).

- Несбалансированность распределения оленьих пастбищ по сезонам. Для Ямало-Ненецкого округа дефицитными (лимитирующими) являются ранне- и поздневесенний сезоны, которые играют особенно существенную роль в годовом хозяйственном цикле оленеводства (отел важенок, переход на летние пастбища).
- Бессистемный выпас оленей без соблюдения проектов пастбищеустройства, плановых маршрутов, оленеемкости участков и пастбищеоборотов. Особенно это касается оленеводства населения, для которого проекты вообще не делались, но и в общественном секторе также встречается множество нарушений.

Дефицит пастбищных ресурсов в условиях интенсивного роста поголовья оленей - является исключительной проблемой ямальского оленеводства (в других регионах России она не достигает такой остроты). Это указывает на необходимость учета экологических пределов развития оленеводства, ибо, в противном случае, отрасль самоуничтожится без посторонней помощи рабочих и служащих Газпрома. Обобщенные данные по динамике дефицита/избытка оленьих пастбищ в регионально разрезе округа приведены в таблице 9.

Таблица 9. Оленеемкость пастбищ и фактическое поголовье оленей в Ямало-Ненецком округе за 1963-1997 гг., тыс. голов.

(I – оленеемкость; II – фактическое поголовье; III – дефицит (-), избыток (+).

Районы	1963			1997		
	I	II	III	I	II	III
Красноселькупский	40,5	10,8	+29,7	15,0	1,6	+13,4
Надымский	38,2	30,9	+7,3	22,6	40,1	-17,5
Приуральский	40,9	58,8	-17,9	40,0	77,2	-37,2
Пуровский	68,1	35,1	+33,0	39,2	31,6	+7,6
Тазовский	74,6	77,4	-2,8	121,8	141,0	-19,2*
Шурышкарский	31,8	27,7	+4,1	24,0	29,1	-5,1
Ямальский	92,2	107,4	-15,2	109,0	197,1	-88,1
ИТОГО	389,1	348,4	+40,7	371,6	517,7	-146,1

*Примечание: * - реальный дефицит за счет неиспользуемых массивов –45 тыс. гол.*

2.3. Демографические аспекты проблемы кочевания (по материалам обследования енисейских ненцев-оленеводов)

Современный ареал ненецкого оленеводства в западной части Таймырского автономного округа ограничен левобережьем Енисея. На правом берегу реки оленеводство за последние десятилетия исчезло, коренное население занято в основном рыболовством и, отчасти, охотничьим промыслом.

Из 2,6 тыс. ненцев, проживающих в Таймырском округе с оленеводством в настоящее время связано около 1,5 тыс. Из них большая часть входит в состав двух сельских администраций: Носковской (центр в поселке Носок, расположенном на одной из проток Енисея в 180 км к северо-западу от центра Таймырского округа - города Дудинки) и Мессояхинской сельской администрации, (центр в поселке Тухард, расположенном на р. Большая Хета в 70 км к западу от Дудинки). Меньшая их часть (около 140 человек) относится к администрации поселка Потапово, расположенном на Енисее в южной части Таймырского округа, где исследования не проводились.

В сфере хозяйственной деятельности носковских и тухардских ненцев находится огромная территория, протянувшаяся почти на 500 километров с юга на север (до побережья Северного Ледовитого океана) и на 150 километров с востока на запад (от Енисея до границы Красноярского края с Тюменской областью). Кроме ненцев оленеводством на этой территории занимается также небольшое число долган, энцев и других северных народов (табл. 10).

Проведенные нами исследования позволили разделить неоседлое население этой территории на три группы, различающиеся по образу жизни, характеру использования угодий и хозяйственному «календарю»:

- кочевые оленеводы носковской тундры,
- полукочевые рыбаки-оленеводы,
- и кочевые оленеводы тухардской лесотундры.

Кроме этого, около 300 ненцев оседло живут в поселке Носок и около 140 - в поселке Тухард.

Таблица 10. Численность народов Севера (чел.) и их суммарная доля в общем числе жителей (%) в этнохозяйственном ареале енисейских ненцев.

Сельские администрации	Долгане	Нганасаны	Ненцы	Эвенки	Энцы	Всего	Доля в общем числе жителей
Воронцовская	18	2	194	-	59	273	65,0
Байкаловская	-	-	108	-	-	108	66,3
Носковская	9	-	1064	4	5	1082	76,6
Караульская	15		118			133	15,9
Усть-Портовская	-	2	258	2	5	267	49,1
Мессояхинская	37	-	469	-	45	551	67,4
Левинская	170	25	11	-	-	206	64,8
Потаповская	19	7	140	59	11	236	52,2
Всего	**268**	**36**	**2362**	**65**	**125**	**2856**	**57,5**

Источник: данные статистического управления Таймырского округа.

Задача настоящего исследования - найти объективные количественные показатели, подтверждающие предпочтительность продолжения кочевого образа жизни с точки зрения сохранения этнической целостности. С этой целью, воспользовавшись данными похозяйственных книг Носковской и Мессояхинской сельских администраций за 1991-1997 гг., мы провели этнодемографический анализ состава семей коренного населения. В похозяйственных книгах Носковской администрации подробно фиксировалось место проживания каждой семьи, что позволило разделить все коренное население на три группы (кочевое, полукочевое, оседлое) и сравнить их между собой. Данные по Мессояхинской администрации не позволили провести столько детальный анализ. Однако их сравнение представляет интерес для оценки влияния на популяцию коренных жителей промышленного освоения, которое уже несколько десятков лет имеет место в тухардской тундре, а в носковской еще не началось.

В похозяйственных книгах Носковской сельской администрации оленеводы-кочевники зарегистрированы как живущие в «оленеводческих бригадах», а полукочевые рыбаки-оленеводы и рыбаки - как жители промысловых точек. Собственно оседлое население составляют жители поселка Носок, а также небольшого населенного пункта - Поликарповск.

По национальному составу все семьи разделены на три группы: состоящие полностью из коренного населения (250 семей); полностью из некоренного (85 семей) и смешанного состава - 22 семьи (табл. 11). Среди семей коренного населения абсолютное большинство (242) составляют мононациональные ненецкие семьи. Шесть семей коренного населения состоят из представителей разных народов: две семьи - энецко-ненецкие, две - ненецко-эвенкийские, одна - якутско-ненецкая и одна - долгано-ненецкая. Дети в них в большинстве случаев записаны по национальности мужа.

Из 22 семей второй группы 20 состояли из ненцев и русских, одна была русско-долганской и одна русско-эвенкийской. Почти все семьи этой группы живут оседло. Из русско-ненецких семей 15 жили в Носке и 5 - в Поликарповске. В 12 из них дети были записаны русскими, в одной - ненцами, в одной семье детей не было. В остальных шести семьях часть детей была записана ненцами, часть - русскими. Во всех русско-ненецких семьях, за исключением одной, муж был русский, а жена - ненка.

В Мессояхинской сельской администрации (табл. 12) проживает 107 семей коренного населения общей численностью 547 человек.

Семь смешанных семей - численностью 24 человека - состоит из коренного и некоренного населения. С 1991 года здесь было зарегистрировано 10 таких семей, три из которых за период 1991-1997 гг. выехали. Во всех 10 семьях жены были ненками, а из мужей 8 русских, один казах и один киргиз. Дети в 7 случаях были записаны ненцами, а в трех - по национальности мужа.

Ненецко-долганских семей с 1991 года зарегистрировано 9 (в т.ч. одна выехала). В 7 из них мужья были долгане, жены - ненки. Дети в трех семьях записаны ненцами и в шести долганами. Энецко-ненецких семей было 9, ни одна из них не выехала. В 8 мужья были энцы, а жены ненки. Дети в 8 семьях записаны энцами и только в одной - ненцами.

Таблица 10. Численность народов Севера (чел.) и их суммарная доля в общем числе жителей (%) в этнохозяйственном ареале енисейских ненцев.

Сельские администрации	Долгане	Нганасаны	Ненцы	Эвенки	Энцы	Всего	Доля в общем числе жителей
Воронцовская	18	2	194	-	59	273	65,0
Байкаловская	-	-	108	-	-	108	66,3
Носковская	9	-	1064	4	5	1082	76,6
Караульская	15		118			133	15,9
Усть-Портовская	-	2	258	2	5	267	49,1
Мессояхинская	37	-	469	-	45	551	67,4
Левинская	170	25	11	-	-	206	64,8
Потаповская	19	7	140	59	11	236	52,2
Всего	**268**	**36**	**2362**	**65**	**125**	**2856**	**57,5**

Источник: данные статистического управления Таймырского округа.

Задача настоящего исследования - найти объективные количественные показатели, подтверждающие предпочтительность продолжения кочевого образа жизни с точки зрения сохранения этнической целостности. С этой целью, воспользовавшись данными похозяйственных книг Носковской и Мессояхинской сельских администраций за 1991-1997 гг., мы провели этнодемографический анализ состава семей коренного населения. В похозяйственных книгах Носковской администрации подробно фиксировалось место проживания каждой семьи, что позволило разделить все коренное население на три группы (кочевое, полукочевое, оседлое) и сравнить их между собой. Данные по Мессояхинской администрации не позволили провести столько детальный анализ. Однако их сравнение представляет интерес для оценки влияния на популяцию коренных жителей промышленного освоения, которое уже несколько десятков лет имеет место в тухардской тундре, а в носковской еще не началось.

В похозяйственных книгах Носковской сельской администрации оленеводы-кочевники зарегистрированы как живущие в «оленеводческих бригадах», а полукочевые рыбаки-оленеводы и рыбаки - как жители промысловых точек. Собственно оседлое население составляют жители поселка Носок, а также небольшого населенного пункта - Поликарповск.

По национальному составу все семьи разделены на три группы: состоящие полностью из коренного населения (250 семей); полностью из некоренного (85 семей) и смешанного состава - 22 семьи (табл. 11). Среди семей коренного населения абсолютное большинство (242) составляют мононациональные ненецкие семьи. Шесть семей коренного населения состоят из представителей разных народов: две семьи - энецко-ненецкие, две - ненецко-эвенкийские, одна - якутско-ненецкая и одна - долгано-ненецкая. Дети в них в большинстве случаев записаны по национальности мужа.

Из 22 семей второй группы 20 состояли из ненцев и русских, одна была русско-долганской и одна русско-эвенкийской. Почти все семьи этой группы живут оседло. Из русско-ненецких семей 15 жили в Носке и 5 - в Поликарповске. В 12 из них дети были записаны русскими, в одной - ненцами, в одной семье детей не было. В остальных шести семьях часть детей была записана ненцами, часть - русскими. Во всех русско-ненецких семьях, за исключением одной, муж был русский, а жена - ненка.

В Мессояхинской сельской администрации (табл. 12) проживает 107 семей коренного населения общей численностью 547 человек.

Семь смешанных семей - численностью 24 человека - состоит из коренного и некоренного населения. С 1991 года здесь было зарегистрировано 10 таких семей, три из которых за период 1991-1997 гг. выехали. Во всех 10 семьях жены были ненками, а из мужей 8 русских, один казах и один киргиз. Дети в 7 случаях были записаны ненцами, а в трех - по национальности мужа.

Ненецко-долганских семей с 1991 года зарегистрировано 9 (в т.ч. одна выехала). В 7 из них мужья были долгане, жены - ненки. Дети в трех семьях записаны ненцами и в шести долганами. Энецко-ненецких семей было 9, ни одна из них не выехала. В 8 мужья были энцы, а жены ненки. Дети в 8 семьях записаны энцами и только в одной - ненцами.

Таблица 11. Распределение коренного и некоренного населения носковской сельской администрации по типам семей (1995 г.).

1 - число семей; 2 - в них человек; 3 - в т.ч. детей в возрасте до 15 лет.
Полная семья - семья, включающая хотя бы одну брачную пару,
Простая семья - семья, включающая только родителей и их детей.

А. Ненецкие семьи									
Типы семей	Оседлое население поселка Носок			Полукочевые рыбаки-оленеводы			Оленеводы-кочевники		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Одинокие мужчины	9	9	-	8	8	-	-	-	-
Одинокие женщины	7	7	-	3	6	-	1	1	-
Полные семьи:									
простые	30	133	60	61	288	114	44	249	124
сложные	3	16	7	8	55	28	5	29	13
Неполные семьи:									
простые	11	37	18	17	74	32	6	18	7
сложные	8	32	12	13	81	25	-	-	-
Сложные семьи, состоящие из полной и неполной семей	-	-	-	4	19	3	2	21	11
Прочие семьи	1	2	1	3	6	-	-	-	-
Всего	67	234	98	117	537	202	58	317	155

продолжение таблицы

Б. Семьи некоренного населения.				В. Смешанные семьи.					
Типы семей	Некоренные семьи (пос. Носок и Поликарповск)			Русско-ненецкие семьи (пос. Носок и Поликарповск)			Прочие (долгано-ненецкие, энецко-ненецкие и др.)		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Одинокие мужчины	9	9	-	-	-	-	-	-	-
Одинокие женщины	6	6	-	-	-	-	-	-	-
Полные семьи:									
простые	52	191	62	14	60	32	6	24	8
сложные	1	7	3	2	8	1	-	-	-
Неполные семьи:									
простые	9	22	7	2	7	5	-	-	-
сложные	5	20	6	1	5	2	2	7	3
Сложные семьи, состоящие из полной и неполной семей	2	10	4	1	10	5	-	-	-
Прочие семьи	1	2	-	-	-	-	-	-	-
Всего	85	267	82	20	90	47	8	31	11

Таблица 12. Распределение коренного населения мессояхинской сельской администрации по типам семей (1995 г.).

1 - число семей; 2 - в них человек; 3 - в т.ч. детей в возрасте до 15 лет.
Полная семья - семья, включающая хотя бы одну брачную пару,
Простая семья - семья, включающая только родителей и их детей.

Типы семей	Ненецкие семьи			Долганские семьи			Энецкие семьи		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Одинокие мужчины	2	2	-	1	1	-	-	-	-
Одинокие женщины	5	5	-	-	-	-	-	-	-
Полные семьи:									
Простые	46	281	132	-	-	-	1	3	-
Сложные	5	39	18	-	-	-	-	-	-
Неполные семьи:									
Простые	21	73	34	1	3	-	1	3	2
Сложные	3	17	6	-	-	-	-	-	-
Сложные семьи, состоящие из полной и неполной семей	1	5	2	-	-	-	-	-	-
Прочие семьи	3	13	-	-	-	-	-	-	-
Всего	86	435	192	2	4	-	2	6	2

продолжение таблицы

Типы семей	Долгано-ненецкие семьи			Энецко-ненецкие семьи			Русско-ненецкие семьи		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Полные семьи:									
Простые	7	37	23	6	40	27	6	22	9
Сложные	-	-	-	1	11	4	-	-	-
Неполные семьи:									
Простые	1	6	2	2	8	1	1	2	1
Сложные	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Сложные семьи, состоящие из полной и неполной семей	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Прочие семьи	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего	8	43	25	9	59	32	7	24	10

Разделить семьи Мессояхинской администрации на кочевые и оседлые, по данным похозяйственных книг оказалось невозможным. По данным статистического отчета на 1.01.1998 г. в ней числилось 84 кочевых семьи общей численностью 328 человек. Хотя формально коренное население составляет в администрации более 60%, фактически в ее центральном поселке Тухарде резко преобладают приезжие люди. Это объясняется тем, что большая часть ненцев постоянно находится в тундре, а Тухард является базовым поселком Норильскгазпрома и в нем живут сменные вахты. В отличие от Носка, прописанное в Тухарде некоренное население не задерживается там надолго. В настоящее время здесь зарегистрировано 144 семьи некоренного населения, а выехала с 1991 года 151 семья, т.е. за короткий срок некоренное население практически обновилось.

Сравнительно с носковской, тухардская популяция ненцев находится в более жестких условиях: она в меньшинстве среди приезжего населения, из-за близости кочевания частота посещения поселка оленеводами здесь выше. Поэтому можно было бы ожидать здесь общего ухудшения этнодемографической ситуации, более высокого уровня экзогамных браков, оттока коренного населения из оленеводства, концентрация его в центральном поселке, а также выезда ненецкой молодежи за пределы администрации. В действительности за последние 10 лет значительного уменьшения численности кочевого населения ни как в Носковской, так и в Мессояхинской администрациях не произошло. Смешанных русско-ненецких семей в Мессояхинской администрации 2,9 раза меньше, чем в Носковской. Только в отношении миграции предположение оказалось верным - ее индекс в Мессояхинской администрации был в 1,7 раза выше, чем в Носковской.

Видимо, частые контакты с большой массой новоселенцев и временных жителей способствуют большей замкнутости коренного населения, чем постоянное проживание с относительно небольшим числом некоренных старожилов. Это предположение необходимо проверить на материалах по всему Северу. Если оно подтвердится, то существенно изменит наши представления о степени разрушительного влияния на малочисленные северные этносы нового промышленного освоения. Не исключено, что совместное проживание коренного и некоренного населения в небольших промысловых поселках является более сильнодействующим фактором ассимиляции, чем ограниченное по масштабам промышленное освоение.

Из трех групп коренного населения по его образу жизни (кочевого, полукочевого, оседлого) наиболее благоприятная ситуация с воспроизводством населения оказалась у кочевых оленеводов. У них самые крупные семьи и самое высокое число детей в семье (табл. 13). Дети до 16 лет составляют почти половину всего населения. Среди семей преобладают полные, в которых дети могут получить полноценное воспитание.

Таблица 13. Характеристика семей коренного населения Носковской и Мессояхинской сельских администраций.

Группы коренного населения	Средний размер семьи, чел.	Среднее число детей в семье, чел.	Доля детей во всем коренном населении, %	Доля детей, живущих в неполных семьях,%
Носковская сельская администрация:				
Оседлое население	3,49	1,46	41,9	30,6
Полукочевое население	4,59	1,73	37,6	28,2
Кочевое население	5,47	2,67	48,9	4,6
Справочно: некоренное население	3,14	0,96	30,7	15,9
Мессояхинская сельская администрация:				
Все коренное население	5,11	2,35	45,9	17,9
в т.ч. ненцы	5,06	2,23	44,1	20,8

У оседлой части коренного населения положение иное. Детей здесь также много - более 40% всего населения, но почти половина из них живет в неполных семьях, т.е. без отца или без матери. Среднее число детей на одну семью здесь в 1,8 раза ниже, чем у кочевников. Значительную часть населения составляют одиночные мужчины и женщины. Рождаемость коренного населения в поселках более чем в 1,5 раза ниже, а смертность почти в два раза выше, чем в семьях оленеводов-кочевников (табл. 14). Соответственно, более чем в 3,5 раза различается и естественный прирост населения.

Таблица 14. Показатели естественного движения различных групп коренного населения.

Показатели (‰ в год)	Носковская сельская администрация			Мессояхинская сельская администрация
	Оседлое население	Полукочевое население	Кочевое население	все коренное население
Рождаемость	21,9	35,2	34,9	37,5
Смертность	14,6	18,9	8,2	11,9
Естественный прирост	+7,3	+16,3	+26,7	+25,5

Полукочевое население занимает промежуточное положение между кочевым и оседлым. Сравнивая оседлое коренное население (малочисленных народов Севера) с некоренным, мы видим, что детей в коренных семьях больше. Однако доля детей, живущих в неполных семьях, у коренного населения поселков в два раза больше, чем у некоренного.

В итоге мы видим, что, несмотря на более тяжелые условия, в которых приходится жить кочевым оленеводам, у них выше детность и наиболее благоприятный состав семей. Они наилучшим образом могут обеспечить не только физическое воспроизводство этноса, но и дать детям более полноценное воспитание в семье. В поселках и у полукочевого населения почти 1/3 детей живет в неполных семьях, т.е. без отца или - значительно реже - без матери. У оленеводов-кочевников таких детей только 5%. Из этого следует, что условия для сохранения и традиционного природопользования и национальной культуры у кочевой части населения малочисленных этносов значительно лучше.

3. Проблема устойчивого развития ненецкого оленеводства

Проведенные сопоставления позволяют выделить пять последовательных стадий эволюции/инволюции оленеводческих этноценозов коренных народов Севера под воздействием доминирующего общества [21]. На первых двух стадиях преобладает материальная аккультурация,

дестабилизирующие воздействия на этноценоз выражены слабо, последний, в основном, сохраняет свою системную целостность, хотя и сокращается по площади. На третьей стадии - в результате преобразования системы хозяйства (например, седентаризация) - модели образа жизни коренного и доминирующего этносов существенно сближаются, получает развитие формальная аккультурация (меняются структуры сознания). Это служит предпосылкой перехода к четвертой стадии с резким усилением процессов этнической метизации и ассимиляции. Она является критической: после нее должно наступить или возрождение, или ассимиляция этноса (пятая стадия).

В целом, можно сказать, что северные народы России проходят сейчас этот критический период, или вплотную подошли к нему. Пятая стадия с образованием неокультуры вообще не была отмечена (за рубежом таким примером могут быть саамы северной Норвегии).

Характерным для 3-й и 4-й стадий явлением в традиционном природопользовании оленеводческих народов Севера России является сокращение площади этнохозяйственных ареалов при стабильной или даже растущей численности коренного населения. Происходит это за счет постепенного вытеснения традиционного природопользования более эффективными экономическими системами доминирующего общества.

В результате, общее улучшение экономической ситуации, в частности появление в промысловых отраслях эффективных рабочих мест, оказывает на коренные этносы отрицательное воздействие. Этот парадокс связан с тем, что высокая экономическая отдача привлекает в промысловое хозяйство представителей некоренного населения, вытесняющих малочисленные северные народы с наиболее эффективных рабочих мест. Образуется порочный замкнутый круг, означающий что традиционное хозяйство может сохраняться лишь до тех пор, пока остается экономически не эффективным и натуральным по своей сути.

Как показали данные исследований в ненецких округах, процесс сокращения площадей этнохозяйственных ареалов сейчас замедлился, а в некоторых местах даже приостановился (видимо, временно). Причиной является общее ослабление давления на традиционное природопользование со стороны экономических систем доминирующего общества, снижении их эффективности, выезде с Севера активного некоренного населения и т.п.

Чтобы предотвратить, или, во всяком случае, значительно ослабить «территориальный этноцид» нужно радикально решить земельный вопрос, обеспечив тем самым права коренного населения на промысло-

вые угодья и оленьи пастбища. В мировой практике накоплен обширный опыт различных вариантов решения этого важнейшего вопроса, от которого зависит будущее коренных этносов.

В России наиболее прогрессивным является путь, намеченный более ста лет назад проектом М.Сперанского. Как принципиальный момент мы рассматриваем необходимость передачи земельных прав этносу в целом, а не его отдельным представителям. Право народа (этноса) на землю не следует смешивать с правами отдельных его представителей, и заменять привилегиями, предоставляемыми по национальному признаку. Оно является историческим (правом народа как субъекта истории) и, в силу этого, принципиально отличным от гражданских прав собственности физических или юридических лиц.

Практический механизм осуществления этого права не может быть создан, пока не определился его субъект. Таким субъектом может стать община, если ей будут предоставлены права органа самоуправления. В этом случае она может быть субъектом исторических прав коренного населения на землю и ее ресурсы и сама решать вопросы распределения этих прав между своими членами. Существующие сейчас «общинно-родовые хозяйства» являются хозяйственными организациями: их нельзя рассматривать в качестве субъектов исторического права коренных народов.

Законодательное оформление субъектного права на земли традиционного природопользования (промысловые угодья и оленьи пастбища) необходимо и для эффективного решения широкого круга проблем, возникающих при их промышленном освоении. При сложившейся в России практике освоения традиционное природопользованию всегда остается в проигрыше, так как компенсацию ущерба чаще всего получают не те, кто его терпит. Чтобы изменить положение, необходимо соблюдать при промышленном освоении три принципа: добровольного согласия, компенсации и свободы выбора приоритетов. Условием их практического осуществления является наличие правомочного субъекта, представляющего интересы коренного населения, и законодательно определенной процедуры урегулирования противоречий.

Перспективы гибели или возрождения народов Севера после прохождения критической четвертой стадии аккультурации зависят, в первую очередь, от реакции этнохозяйственных систем на давление со стороны доминирующего общества. Наша предварительная гипотеза предполагала возможность трех различных стратегий: ***изоляция, пассивная и активная адаптация***.

Изоляция возможна лишь для небольшой части коренного населения - чаще всего для кочевых оленеводов, владеющих большими стадами личных оленей. Они могут подолгу находится в глубине тундры, почти не соприкасаясь с доминирующим обществом.

Пассивная адаптация - эта консервативная стратегия, которая состоит в попытке сохранять прежний образ жизни и формы хозяйства до тех пор, пока это возможно. Когда возможности иссякают, этнотерриториальная группа постепенно переходит на модель жизнедеятельности некоренного населения и смешивается с ним.

Активная адаптация - это единственный путь, с помощью которого могут сохраниться традиционное хозяйство, самобытная культура и образ жизни северных народов. Она состоит в попытках тем или иным путем изменить среду взаимодействия с доминирующим обществом или приспособить к нему свое хозяйство, сохраняя при этом его традиционную национальную основу. К сожалению, активная адаптация встречается сейчас редко.

Полученные результаты показали, что в районах, где проводились исследования, абсолютно преобладает пассивная адаптация, которая выражается в сотрудничестве с доминирующим обществом без активных попыток изменить характер взаимодействия с ним. В некоторых этнохозяйственных ареалах были отмечены лишь отдельные попытки активной адаптации.

Наша концепция указывает на необходимость дифференцированного подхода к группам коренного населения, находящимся в состоянии изоляции, пассивной и активной адаптации. Тенденции к пассивной или активной адаптации определяют два основных сценария выживания северных оленеводческих этноценозов и их систем традиционного природопользования.

Пассивная адаптация требует радикального государственного протекционизма, который может быть осуществлен путем формирования этноэкологических территорий.

Совмещение сбалансированного и ограниченного использования биоресурсов - каковым и является традиционное природопользование северных народов - с природоохранными задачами, сохранением культурно-исторического наследия и мониторингом является одним из международных принципов создания биосферных резерватов. В условиях Крайнего Севера России одной из основных форм охраняемых государством территорий могут стать этно-экологические зоны или резерваты, где природоохранный режим будет сочетаться с традиционными промыслами, оленеводством, а в некоторых случаях также с экологиче-

ским туризмом. Этно-экологические охраняемые территории могут создаваться на базе уже существующих государственных заповедников, располагаясь вокруг абсолютно заповедного «ядра» как одна из функциональных зон биосферного полигона. В других случаях этно-экологические зоны могут быть образованы на базе государственных оленеводческо-промысловых предприятий, родовых хозяйств или в составе национальных парков. Принципы формирования и развития таких территорий включают:

- сохранение целостности этнохозяйственных ареалов;
- совмещение природоохранного режима с государственной поддержкой традиционных отраслей;
- предотвращение «территориального этноцида», путем выделения зон с различным режимом природопользования;
- гибкое управление с активным участием представителей коренного населения;
- проведение специальных программ социально-экологической реабилитации.

Активная адаптация позволяет реорганизовать существующую систему природопользования путем перехода к совместному управлению биологическими ресурсами в промыслах и оленеводстве. Идея такого управления заимствована из зарубежного опыта (wildlife co-management). Оно основано на активном использовании имеющихся экологических знаний коренного населения, их синтезе с современными научными методами. В связи с тем, что в настоящее время управление биологическими ресурсами в нашей стране полностью находится в руках государственных органов, идея совместного управления может быть реализована только поэтапно, там где для этого складываются объективные условия. Исходя из опыта Канады и Скандинавских стран, можно предложить семь последовательных уровней перехода к совместному управлению биоресурсами, на каждом из которых формы взаимодействия государственных органов и коренного населения усложняются [22].

Первый соответствует положению, когда все существенные вопросы управления ресурсами решаются государственными органами, которые только информируют о своих решениях коренное население.

Второй означает формальный учет интересов коренных жителей (современное положение в России).

Последний, седьмой, уровень – совместное управление биологическими ресурсами специальным кооперативным органом, включающим на равных правах представителей государственной администрации и общин коренного населения.

Общим принципом сохранения и устойчивого развития этнохозяйственных систем является переход от ***пассивного*** сценария к ***активному*** всюду, где для этого появляются возможности.

В рамках предложенной концепции сформулируем конкретные положения, необходимые для достижения устойчивого развития ненецкого оленеводства для трех модельных регионов (автономных округов).

Ненецкий округ. Общая ситуация: оленеводство как отрасль стабильно; уровень номадизма сравнительно низкий (влияние сменно-звеньевого выпаса), поэтому сравнительно невелика доля личных оленей, возможная оленеемкость находится в балансе с фактическим поголовьем, промышленное освоение затронуло лишь западную и центральную часть Большеземельской тундры. Как показал анализ современного состояния оленеводства округа, для достижения его устойчивости необходимо в первую очередь обеспечить государственную поддержку отрасли путем снижения транспортных тарифов, строительства производственной инфраструктуры, организации переработки продукции на основе современных технологий, маркетинга.

Ямало-Ненецкий округ. Общая ситуация: рост личного и суммарного оленьего поголовья на фоне интенсивного промышленного освоения; здесь сосредоточена самая дееспособная ненецкая популяция с высоким уровнем репродуктивной активности, этнической консолидации и номадизма; диспропорции между фактическим и возможным к выпасу поголовьем имеют различное происхождение: в центральной части региона – техногенное воздействие нефтегазового комплекса, на полуостровах Ямал и Гыдан и в Приуральском районе – превышение фактического поголовья над расчетным из-за неконтролируемого роста личного поголовья. Устойчивость ямальского оленеводства может быть достигнута при следующих условиях:

- Пространственное разграничение районов промышленного освоения и оленеводства путем создания и отвода территорий традиционного природопользования не только de facto (Пуровский и Надымский районы), но и de jure (там где это освоение скоро будет возможным – Ямал и Гыдан). По имеющимся проектам, площадь таких территорий может составить 53% площади округа.
- В районах с избыточным поголовьем необходим разумный баланс между личным и общественным оленеводством. Административные ограничения здесь недопустимы, но возможны элементы экономического воздействия. Полная элиминация общественного оленеводства явно нерациональна, т.к. оно по товарности на порядок выше, чем личное.

- Необходимо принять Закон об оленеводстве округа для регулирования правовых, экономических, природоохранных и социальных вопросов оленеводства как ведущей отрасли традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера (проект Закона уже подготовлен Государственной Думой Ямало-Ненецкого автономного округа).
- Нужна геоботаническая инвентаризация оленьих пастбищ как в зонах промышленного освоения, так и в районах их перегрузки сверхнормативным поголовьем оленей.
- Необходимо изыскать средства (например, компенсационные платежи, плата за отводы и т.д.) для рекультивации нарушенных и стравленных участков оленьих пастбищ;

Ареал расселения ненцев в Таймырском округе. Общая ситуация здесь менее благоприятна. Динамика численности оленей, в отличие от более западных регионов, здесь негативна. Этнодемографическая ситуация в локальных ненецких популяциях также сравнительно неустойчива. Низкий уровень кочевания сдерживает темпы роста личного поголовья оленей.

Здесь, по-видимому, не обойтись без целенаправленной экономической и организационной поддержки кочевого оленеводческого населения. Она может быть осуществлена, например, путем организации факторий, малокомплектных школ, определения юридического статуса этноэкологических зон и т.д. Возможность проведения таких мероприятий рассматривается администрацией Таймырского округа в рамках программы устойчивого развития этого региона.

Литература

1. Об уровне жизни малочисленных народов Севера // Статистический бюллетень. № 6(35). М., 1997. С. 36-63.
2. Оленеводство // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916. С. 411-414.
3. Богораз-Тан В.Г. Северное оленеводство по данным хозяйственной переписи 1926/27 // Советская этнография. М., 1932. № 4. С. 26-62.
4. Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 г. М., 1929. 256.
5. Труды НИИ Полярного земледелия. Серия «Оленеводство». Вып. 7. Л., 1939. 74 с.
6. Народное хозяйство районов Крайнего Севера. М., 1961. 445 с.
7. Народное хозяйство РСФСР (за соответствующие годы) М., 1957-1989 гг.
8. О состоянии северного оленеводства в РСФСР // Статистический бюллетень ЦСУ РСФСР. М., 1980. № 5. С. 253-269; 1983. № 24. С. 173-176; 1985. № 10. С. 182-187.
9. Районы Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера в 1992 году. М., 1993. 200 с.
10. Состояние оленеводства на 1 января 1996 г. М., 1996. 61 с.
11. Состояние оленеводства на 1 января 1997 г. М., 1997. 60 с.
12. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М. – Л., 1956. 569 с.
13. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989. 210 с.
14. Социальное и экономическое развитие районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера в 1980-1990 гг. М., 1991. 220 с.
15. Социально-экономические условия жизни малочисленных народов Севра. М., 1992.149 с.
16. Основные показатели сельского хозяйства Ямало-Ненецкого автономного округа (1940-1996). Салехард, 1997. 72 с.
17. Востряков П., Броднев М. Оленеводство Ямала. Тюмень, 1964. 98 с.
18. Подкорытов Ф.М. Оленеводство Ямала. Салехард, 1995. 274 с.
19. Харамзин Т.Г. Основные направления повышения эффективности оленеводства Тюменской области в условиях развития нефтегазового комплекса // Автореф. дисс. на сосиск. уч. степ. канд. экон. наук. Новосибирск, 1988. 16 с.

20. Иванов К.П. Проблемы этнической географии. СПб., 1998. 240 с.
21. Клоков К.Б. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера (географические и социально-экологические проблемы). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. геогр. наук. М., 1998. 48 с.
22. Клоков К.Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития. Этногеографические и этноэкологические исследования. Вып. 5. Издание НИИГ СпбГУ. 91 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

1. СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС ОЛЕНЕВОДСТВА В РОССИИ. СОСТОЯНИЕ ОЛЕНЕВОДСТВА В АРЕАЛЕ РАССЕЛЕНИЯ НЕНЦЕВ 6

1.1. Динамика численности поголовья оленей 7
1.2. Динамика распределения поголовья оленей по формам собственности 8
1.3. Региональные различия в динамике оленеводства 11
1.4. Номадизм и оленеводство 14

2. СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕНЕЦКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА 15

2.1. Экономические проблемы крупностадного оленеводства (на примере Ненецкого автономного округа) 15
2.2. Проблемы развития оленеводства в условиях интенсивного промышленного освоения (Ямало-Ненецкий автономный округ) 23
2.3. Демографические аспекты проблемы кочевания (по материалам обследования енисейских ненцев-оленеводов) 31

3. ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НЕНЕЦКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА 38

Литература 45

Серия "Этногеографические и этноэкологические исследования"

Выпуск 1. К.Б. Клоков. Кочевое оленеводческое население: оценка возможностей этносоциальной адаптации и развития. СПб., 1996. 28 с.

Выпуск 2. С.А. Хрущев. Современные этнодемографические процессы у малочисленных финно-угорских народов Северо-Запада России. СПб., 1996. 48 с.

Выпуск 3. К.Б. Клоков. Некоторые проблемы развития хозяйства коренных народов Севера. Текст доклада на 2-м Международном семинаре по проблемам народов Севера (Канада, май 1996 г.). На русск. и англ. языках. СПб., 1996. 24 с.

Выпуск 4. С.А. Хрущев. Концепция демографического возрождения автохтонных финно-угорских народов Северо-Запада России. СПб., 1997. 32 с.

Выпуск 5. К.Б. Клоков. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития. СПб, 1997. 91 с.

Выпуск 6. К.Б. Клоков. Социально-экологические параметры системы традиционного природопользования (на примере поселка Совречка Туруханского района Красноярского края). СПб., 1998. 24 с.

Выпуск 7. С.А. Хрущев, К.Б. Клоков. Ненецкое оленеводство: подходы к разработке концепции устойчивого развития. СПб., 1998. 47 с.

Выпуск 8. К.Б.Клоков. Социально-экологические аспекты аккультурации малочисленных этносов (опыт ретроспективного анализа на примере Туруханского Севера). СПб., 1998. 39 с.

Издания можно заказать по адресу:
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний проспект, д. 41, НИИ Географии СПбГУ, Проблемная группа этногеографических исследований.